

and Other Stories», который включает новые переводы рассказов «Свет и тени», «Обруч», «Прятки», «Обыск». В предисловии к изданию, комментируя выбор текстов и причины создания новых переводов, Баркер поясняет, что более ранние версии, хотя и воплощают лучшие образцы произведений Сологуба в этом жанре («the best examples of the author's work in the genre»), все же являются устаревшими с точки зрения языка, часто содержат неточности и труднодоступны современному читателю («the translations are dated, often inaccurate, and are difficult, if not impossible, to find now in libraries»).³⁶ Таким образом, ни переводы Грэма, ни переводы Курноса не приобрели статус канонических, но позволяют выделить элементы оригинальной поэтики, определившие интерес к творчеству русского автора и, предположительно, задавшие векторы последующей переводческой рецепции романа «Мелкий бес».

³⁶ *Sologub F. The Kiss of the Unborn and Other Stories / Translated and introduced by M. G. Barker. Knoxville: The University of Tennessee Press, 1977. P. 8.*

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-131-147

© П. Ф. Успенский

«ПУТЕМ ЗЕРНА» КАК ФОРМУЛА РЕВОЛЮЦИИ: ХОДАСЕВИЧ, НЕКРАСОВ, КРЕСТЬЯНСКИЕ ПОЭТЫ И АГРАРНАЯ ТОПИКА РУССКОЙ ЛИРИКИ

Афористичная формула истории России — «путем зерна» — стала названием третьего сборника стихов Ходасевича, с которого традиционно отсчитывается зрелый период творчества поэта. Заглавное словосочетание, как и в случае других сборников Ходасевича,¹ в свернутом виде являлось поэтической и идеологической манифестацией, однако со временем ее семантический ореол размылся, и в литературоведении закрепилось упрощенное понимание формулы поэта. Одна из задач настоящей статьи — восстановить смысловые и литературные контексты заглавия книги. Вместе с тем формула Ходасевича — наглядная точка сборки конкретной литературной традиции. Характерный для русской поэзии революционный миф последовательно воплощался в символизации аграрной образности. Поскольку история русской аграрной топики, транслирующей политические смыслы, еще не написана, изложение будет неизбежно фрагментарным и тезисным; но даже в таком конспективном виде материал позволяет прийти к выводу, что формула «путем зерна» аккумулирует не только вневременной евангельский смысл, но и революционную идеологию, актуальную как для рубежа веков, так и для событий 1917 года, а аграрная метафорика в русской поэзии последовательно сопровождалась политическими коннотациями.

1

Сборник «Путем зерна» выходил при жизни автора тремя изданиями (Москва, 1920; Петроград, 1921 и в составе «Собрания стихотворений», Париж, 1927) и лишь в последнем открывался заглавным стихотворением, сочиненным 23 декабря 1917 года:

¹ Подробнее об этом см.: Успенский П. 1) Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014; 2) «Лиры лабиринт»: почему В. Ф. Ходасевич назвал четвертую книгу стихов «Тяжелая лира»? // Лотмановский сборник. М., 2014. Вып. 4. С. 450–467; 3) В. Ф. Ходасевич и А. И. Герцен: о названии и поэтике сборника «Европейская ночь» // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 5–22.

Путем зерна

Проходит сеятель по ровным бороздам.
Отец его и дед по тем же шли путям.

Сверкает золотом в его руке зерно,
Но в землю черную оно упасть должно.

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.²

Справедливо отмечалось, что тема этого стихотворения, в котором «в первый раз с такой простотой душа поэта объединяется со столь огромными реальностями, как его страна и ее народ»,³ восходит к словам Иисуса Христа из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24).⁴ Библейская образность стихов соединяла два плана — сакральный и исторический — и предлагала читателю рассматривать события «этого», 1917 года в свете универсальных христианских категорий. Более того, перспективы современных тектонических сдвигов она маркировала как положительные, уравнивая их с воскрешением души для вечной жизни (ср. с продолжением слов Христа: «Любящий душу свою погубит ее; а ненавидящий душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную»; Ин. 12: 25).

Стихотворение стало своего рода смысловым контрапунктом поэтической книги (особенно это видно в первых двух изданиях, где оно печаталось ближе к концу, уже после «макаберного» подцикла, см. ниже). Оно собирало в пучок темы и мотивы стихов сборника: объясняло и придавало смысл прошлому и гнетущему настоящему, а также задавало оптимистический взгляд на ближайшее будущее.

Так, в «Путем зерна» вошли стихи 1916–1917 годов, тематическую доминанту которых составляли мрачные уличные впечатления и предощущение близкой смерти лирического субъекта («Слезы Рахили», «В Петровском парке», «Смоленский рынок», «По бульварам», а также парное к стихотворению «Путем зерна» — «Золото»). Напомним, что все эти тексты (за исключением «По бульварам») Ходасевич объединил в цикл, опубликованный в сборнике «Ветвь» (конец 1917 года) под названием «Из книги „Фарфоровый венок“», а в переписке характеризовал как «макаберные стихи». В поэтике названных стихотворений разрабатывался ряд приемов и тем лирики Некрасова и актуализировались ситуации и философские проблемы романов Достоевского.⁵

² Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1. Полн. собр. стихотворений / Сост., подг. текста, комм. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. С. 85. Об истории публикации сборника и композиционных вариантах: Там же. С. 377–379.

³ Бочаров С. Г. «Памятник» Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 1. С. 17.

⁴ Ходасевич В. Ф. 1) Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова, Д. Б. Волчека. Л., 1989. С. 374 (Библиотека поэта. Большая сер.); 2) Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 504–505; 3) Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 380. Здесь же укажем, что обнаруженная в первой строке анаграмма фамилии Ходасевича (Там же) не представляется убедительной.

⁵ Успенский П. Владислав Ходасевич накануне «Путем зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэта в 1916–1917 годах // Русская литература. 2014. № 4. С. 193–217.

В свете «макаберного» подцикла с его показательными литературными аллюзиями стихотворение «Путем зерна» может ассоциироваться с «Братьями Карамазовыми». Эпиграфом к роману взяты уже приводившиеся слова из Евангелия от Иоанна, их же несколько раз цитирует старец Зосима, они же, очевидно, перекликаются с финалом романа — похоронами Илюши, обнадеживающей надгробной речью Карамазова и светлым разговором Алеши и Коли о воскресении из мертвых.⁶ Несколько схематизируя, можно сказать, что аллюзивный план стихотворения «Путем зерна» включал в себя и безрадостные эпизоды жизни Скотопригоньевска, и надежды на грядущее обновление и процветание, заданные в романе фигурой Алеши и мальчиков.

Одновременно стихотворение соотносилось в сборнике с текстами, которые репрезентировали желательный «светлый» сценарий ближайшего будущего. Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на финальный текст поэтической книги — «Хлебы» (1918), в котором возлюбленная готовит тесто для хлеба. Однако метафизические коннотации важнее сюжета, — неслучайно стихи заканчиваются провозглашением сакральных бытийственных ценностей:

И, эти струи будущего хлеба
Сливая в звонкий глиняный сосуд,
Клянется ангел нам, что истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.⁷

«Хлебы», помещенные в абсолютно сильное место книги (финал), иллюстрировали, куда ведет *путь зерна* — он ведет к *хлебам*. Историческая формула поэта, таким образом, в свернутом виде содержала мифологическую структуру — сюжет об умирающем, а потом воскресшем и плодоносящем зерне.

В первую очередь, конечно, у этого сюжета были новозаветные коннотации. Однако для Ходасевича (как и для многих других авторов) он также был связан как с революционным мифом русской литературы, так и с политическими событиями 1917 года.

Так, в статье «О завтрашней поэзии», опубликованной в № 1 эсеровской газеты «Понедельник Власти Народа» (25/12 февраля 1918 года), Ходасевич, намечая ближайшие перспективы развития русской поэзии, последовательно уравнивает поэтическое и политическое и использует для этого аграрную метафору: «Этим гнилым туманом, чахоточным и пряным воздухом рафинированной реакции дышало молодое поколение поэтов, пришедших по следам символизма. <...> Не хлебом насущным — пирожным стала молодая русская поэзия. Она приторна — и не питательна. <...> Но когда в муке заводится моль, бескровное существо с бессильными крылышками, — мудрый хозяин пересыпает и ворошит весь мешок, до самого дна. Наш хозяин и делает это рукой революции. Вся Россия ныне перетряхивается, пересыпается в новый мешок. Гигантская созидательная работа становится задачей завтрашнего дня. Эпохе критической предстоит смениться эпохой творческой. В этой деятельности и бодрящей атмосфере русская поэзия от ее нынешних маленьких тем, от душного интимизма неизбежно должна обратиться к вечным основным проблемам человеческого духа <...> Она станет *народной* в истинном смысле слова. Она будет меньше говорить, но нужнее: печь хлебы, а не пирожные. Сознаю, что говорю общо. Но судьба поэзии, как и вся жизнь России, сейчас зависит от судьбы революции».⁸

Нетрудно заметить, что в приведенной цитате реализуется вторая часть мифологической структуры: свершившаяся революция сопоставлена с урожаем зерна («мука»), а «перетряхивание» мешка приведет к «хлебам» (а не к пирожным, согласно приписываемой Марии-Антуанетте фразе, играющей важную роль в культурной мифологии Великой французской революции), в частности, к «хлебам» поэтическим.

⁶ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 14. С. 259, 281; Т. 15. С. 196–197.

⁷ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 114.

⁸ Там же. Т. 2. Критика и публицистика: 1905–1927. С. 244–245.

Конечно, здесь налицо и перекличка между стихотворением «Хлебы» и идеологической программой статьи.

Формула «путем зерна», одноименное стихотворение и весь сборник стихов Ходасевича, таким образом, соотносились не только и не столько со словами Христа из Евангелия от Иоанна, сколько с актуальным политическим контекстом. Революция и ее последствия описывались с помощью аграрной символики, и если предреволюционное время соотносилось с образом зерна, то время самой революции и пореволюционных изменений связывалось уже с «воскрешением» зерна — «мукой» и «хлебами» (у Ходасевича, конечно, не хватает «урожая», но этот образ появится в творчестве его современников, см. ниже). Откуда же происходит подобная аграрно-революционная символика?

2

Очевидно, что, когда аграрная образность наделяется революционными коннотациями, происходит вторичная семантизация: библейская метафора последовательно переосмысливается в политическом контексте. Ходасевич не сам придумал этот смысловой сдвиг, — он опирался на достаточно последовательную и богатую литературную традицию.

В русской словесности один из самых ранних и при этом наиболее знаковых текстов, лежащих у истоков обсуждаемой традиции, это пушкинское «подражание басне умеренного демократа И<исуса> Х<риста>» — стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» (1823).⁹ В нем новозаветная притча о сеятеле (Мф. 13: 3–9; Лк. 8: 5–9) существенно переиначивается и вторично семантизируется в политическом ключе.¹⁰ При жизни Пушкина стихотворение не было издано, но расходилось в списках (впервые его опубликовал А. И. Герцен в 1856 году).¹¹

Хотя пушкинское стихотворение «Свободы сеятель пустынный...» находится у истоков традиции аграрной и одновременно политической образности и хотя именно после него у слова «сеятель» появились разнообразные политические коннотации (так, стоит отметить, что «сеятель» в первой строке «Путем зерна» — это тот же сеятель, что и у Пушкина), заслуга разработки самой традиции принадлежит Некрасову. Именно Некрасов (с оглядкой на стихотворение Пушкина) окончательно соединил «сеятеля» и, шире, аграрную образность с социально-политическими идеологемами. Стоит отметить, что часто аграрная метафорика у Некрасова осциллирует между просвещенческой и революционной парадигмами, однако традиция последовательно считывала его стихи в радикальном ключе. Приведем ряд примеров.

Измеривший «всю бездну дикости и зла» В. Г. Белинский в названной в его честь поэме (1855) охарактеризован как «честный сеятель добра», заклеянный реакционерами «как враг отчизны». ¹² В «Притче» (1870) именитый гражданин, дерзнувший высказать свои критические соображения и впоследствии казненный, характеризуется как «по мужеству воин, по жизни монах / и сеятель правды суровой» (Некрасов; 3,

⁹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., Л., 1937–1959. Т. 2. Кн. 1. С. 302 (текст); Т. 13. С. 79 (цитата из письма А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 года).

¹⁰ Подробнее об этом см.: Старк В. П. Притча о сеятеле и тема поэта-пророка в лирике Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 51–64; Паперный В. «Свободы сеятель пустынный...»: вокруг одной евангельской цитаты у Пушкина // Коран и Библия в творчестве А. С. Пушкина. Иерусалим, 2000. С. 133–144. Политические коннотации аграрной образности в русской поэзии первой половины XIX века, и в частности в пушкинских стихах «Свободы сеятель пустынный...», связаны с французской традицией, особенно с текстами и дискурсами Великой французской революции. К сожалению, в рамках статьи нет возможности остановиться на этом подробнее. См. некоторые соображения о зависимости стихов Пушкина от французского контекста в указанной статье В. Паперного.

¹¹ См.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 2. Кн. 2. С. 1132–1133.

¹² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: В 15 т. Л., 1981–2000. Т. 4. С. 9. Далее ссылки на это издание даются в тексте сокращенно: Некрасов, с указанием номера тома и страницы.

70). К галерее сеятелей примыкает адресат стихотворения «Т<ургене>ву»¹³ — его деятельность представляет собой аллегорическую контаминацию общественного борца, воина и крестьянина:

Мы вышли вместе... Наобум
Я шел во мраке ночи,
А ты... уж светел был твой ум,
И зорки были очи. <...>

Ты как поденщик выходил
До света на работу.
В глаза ты правду говорил
Могучему деспоту <...>

Непримиримый враг цепей
И верный друг народа!
До дна святую чашу пей —
На дне ее — свобода!

(Некрасов; 3, 189–190)

Апологией сеятеля являются также поздние некрасовские стихи «Сеятелям» (1876) с их хрестоматийно известным финалом-призывом:

Сеятель знания на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,
Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна! <...>
Труд засевающих робко, крупичами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

(Некрасов; 3, 180)¹⁴

Ср. в поэме «Кому на Руси жить хорошо»: «Такая почва добрая — / Душа народа русского... / О сеятель! приди!..» (Некрасов; 5, 206).

Метаморфозой сюжета являются те случаи, когда некрасовские герои являются порождением земли в буквальном смысле этого слова. Так, в конце стихотворения «Памяти Добролюбова» мы читаем: «Природа-мать! когда б таких людей / Ты иногда не посылала миру, / Заглохла б нива жизни...» (Некрасов; 2, 173; курсив мой. — П. У.). За счет последовательного нагнетания лексических единиц, «связанных с землей, почвой, рождением и смертью как своего рода сельскохозяйственным процессом» («Плачь, русская земля!»; «Такого сына не рождала ты / и в недра не брала

¹³ Текст считается каноническим, однако известно, что это переделка 1877 года более раннего стихотворения «Ты, как поденщик, выходил...» (1861). Существует вариант белого автографа РГБ («Ты как поденщик выходил...», 1861), отнесенный составителями Собрания сочинений Некрасова в раздел «Варианты» (Некрасов; 3, 376). В свое время В. Е. Евгеньев-Максимов впервые опубликовал этот текст как самостоятельное стихотворение и предположил, что оно целиком обращено к Герцену. Интересно, что «сеятелем» Тургенев назван и в стихотворении К. К. Случевского «В печальный час, когда на отпеванье» (1883): «Тургенев-сеятель забылся вечным сном / Во всех больших правах своей нетленной славы» (Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. СПб., 2004. С. 474 (Библиотека поэта. Большая сер.)).

¹⁴ О политических коннотациях текста см., например, рассуждение: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966. С. 23–24.

свои обратно»), — словосочетание обретает предметную семантику, становится «овеществленным понятием».¹⁵

Зерновые образы для Некрасова также могли семантически связываться с ролью «сеятеля». В известной «Песне Еремушке» в «сенокосную пору» (!) городской человек поет деревенскому ребенку колыбельную, в которой метафора зерна находится в близости от лозунга Французской революции:

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно. <...>

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возледей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

(Некрасов; 2, 66)

По наблюдению М. С. Макеева, «для всей поэзии Некрасова образ колоса, нивы становится символом жизни, плодородия, гармонии. <...> Этот символ как бы соединяет дело революционера и крестьянина. Крестьянин поддерживает жизнь земли своим трудом, потом, отдавая всю жизнь земле. И это делает его жизнь прекрасной. Революционер отдает свое тело, свою плоть, приносит жертву для мира. И это делает его подвиг возвышенным и его смерть — прекрасной». Здесь актуализируются более архаические мифологические структуры, благодаря чему отраженная в стихах Некрасова идеология разночинцев-демократов оказывается универсальной.¹⁶

Из приведенных цитат и рассуждений легко реконструировать семантическое наполнение некрасовского революционного мифа (в общем виде он напрямую соотносится с последующей мифологической структурой у Ходасевича). В нем работа сеятеля-революционера заключается в севе зерен, а восход злаков может означать изменение социально-политической ситуации. И хотя, кажется, последнее в некрасовской лирике не встречается, сама возможность достраивания семантического ряда принципиально важна. Важно также понимать, что в свете разбираемого мифа (особенно при желании аудитории) все слова, связанные с аграрной образностью, могут прочитываться в политическом контексте. Думается, именно так и произошло в истории рецепции стихов поэта.

Хорошо известно, что лирика Некрасова не только широко читалась, но и играла знаковую роль в общественном и политическом (в частности, революционном) движении.¹⁷ В следственных делах участников «хождения в народ» сохранились, например, копии некрасовских стихов — «Тройка», «Маша», «Похороны», «Застенчивость»,

¹⁵ Макеев М. С. Поэзия Некрасова и идеология русской радикальной интеллигенции середины XIX века // К 60-летию профессора Анны Ивановны Журавлевой. М., 1998. С. 103.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ См. целый ряд идеологизированных, но подчас весьма содержательных статей в «Некрасовском сборнике» (Л., 1973. Вып. 5): Соколов Н. И. Некрасов и революционно-народническое движение 1870-х годов (с. 28–41); Прийма Ф. Я. Некрасов в общественно-литературном движении конца XIX — начала XX в. (с. 42–65); Розанова Л. А. О роли поэзии Некрасова в формировании пролетарской культуры (с. 76–95); Пинаев М. Т. Поэзия Некрасова в следственных делах революционных народников 70-х гг. XIX в. (с. 252–260); Пищулин Ю. П. Поэзия Некрасова и «Народная воля» (с. 287–299), а также статью: Дун А. З. Поэзия Некрасова в большевистских листовках // Некрасовский сборник. Л., 1988. Вып. 9. С. 69–79.

«Эй, Иван», «Размышления у парадного подъезда».¹⁸ «Народной волей» для пропаганды использовались отрывки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «Железная дорога» и «Песня Еремушке».¹⁹ Более широкий спектр цитат мы обнаруживаем в революционных листовках большевиков. В них встречаются такие стихотворения, как «Элегия», «Рыцарь на час», «Размышления у парадного подъезда», «Железная дорога», «Родина», «Песня Еремушке», «Свобода», «Смолкли честные...», «Сеятелям», «Орина, мать солдатская», «В полном разгаре страда деревенская...», «Русские женщины», отрывки из поэмы «Кому на Руси жить хорошо».²⁰

Большой популярностью пользовалось стихотворение «Размышления у парадного подъезда» и особенно — фольклоризировавшийся фрагмент «Назови мне такую обитель...».²¹ Популярность отрывка понятна. Риторичная конструкция, в которой сначала в красках описывались тяготы крестьянской жизни, а потом задавался вопрос-призыв («Иль, судеб повинуюсь закону, / Все, что мог, ты уже совершил, — / Создал песню, подобную стону, / и духовно навеки почил?...»), — казалось, как нельзя лучше подходила для аффективной мобилизации аудитории. В связи с обсуждаемой аграрно-революционной топикой замечу, что в эту модель вписывалась лексема «сеятель», правда, применительно к крестьянину:

Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не страдал.

Несмотря на то, что «сеятель» здесь семантически связан с деревенским миром, сама по себе эта лексема дополнительно закрепляла элементы революционного мифа, символически соотнося с ним «русского мужика», который потенциально становился объектом и, надо полагать, субъектом политического процесса. Дело в том, что для восприятия поэзии Некрасова была важна не только синтагматика высказывания: в его словаре присутствовал целый ряд лексем, являющихся, по сути, «словами-сигналами» (термин В. Гофмана) и актуализирующих у аудитории внетекстовые смыслы (в данном случае — политические).²²

Приведенная цитата служила, например, эпиграфом передовой статьи «Рабочей газеты» (№ 2 от 27 января 1881 года).²³ Но важнее, конечно, что фольклоризировавшийся фрагмент пели хором рабочие и крестьяне в глухой деревне.²⁴ Примечателен, в частности, такой эпизод. В 1905 году на рабочих собраниях Иванова и Муромы один участник, красковар Лакин, читал «Размышления у парадного подъезда», иногда сопровождая чтение «отдельными куплетами „Марсельезы“».²⁵ Очевидно, таким образом, что «Размышления у парадного подъезда» в сознании многих читателей соотносились с революционной идеологией.

Не меньшей популярностью пользовалось и стихотворение «Сеятелям». Без его последних строк в конце XIX — начале XX века не обходились «ни передовицы

¹⁸ Пинаев М. Т. Поэзия Некрасова в следственных делах революционных народников 70-х гг. XIX в. С. 254.

¹⁹ Пищулин Ю. П. Поэзия Некрасова и «Народная воля». С. 289.

²⁰ Дун А. З. Поэзия Некрасова в большевистских листовках. С. 70.

²¹ См.: Песни русских поэтов / Вступ. статья, подг. текста и прим. И. Н. Розанова. Л., 1950. С. 335–336. См. также комм. В. Е. Гусева: Песни русских поэтов: В 2 т. 3-е изд. Л., 1988. Т. 2. С. 446 (Библиотека поэта. Большая сер.).

²² О таких словах см. подробнее: Гаркави А. М. Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. С. 132–186; Розанова Л. А. Поэзия Некрасова и народников. Иваново, 1972. С. 150–154, 169–175.

²³ Соколов Н. И. Некрасов и революционно-народническое движение 1870-х годов. С. 37.

²⁴ Розанова Л. А. О роли поэзии Некрасова в формировании пролетарской культуры. С. 76–77, 79, 81; Прийма Ф. Я. Некрасов в общественно-литературном движении конца XIX — начала XX в. С. 49.

²⁵ Розанова Л. А. О роли поэзии Некрасова в формировании пролетарской культуры. С. 77.

либеральных газет, ни речи фрондировавших застольных ораторов».²⁶ Они часто использовались в политической пропаганде.²⁷ Приведу листовку Екатеринославского комитета РСДРП (28 ноября 1903 года), обращенную к учителям: «Итак, учителя и учительницы, примыкайте к нам, окажитесь народными учителями в полном смысле этого слова, идите в народ с азбукой политической свободы, с евангелием социализма, и эта просветительская революционная свобода принесет лучшую жатву, чем, с позволения сказать, „культурная работа“ под ферулой русского самодержавия. Так:

Сейте разумное, доброе, вечное.
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Долой самодержавие!
Да здравствует политическая свобода!
Да здравствует социализм!»²⁸

В листовке видна наглядная реализация некрасовского революционного мифа, причем здесь он обрывает отсутствующим у поэта, но со всей очевидностью напрашивающимся финальным элементом — *жатвой*.

Таким образом, не вызывает никаких сомнений, что поэзия Некрасова систематически встраивалась в политический дискурс, а ее метафорические элементы, сами по себе в некоторых случаях идеологически заряженные, служили наглядной иллюстрацией радикальных политических идей. Предлагаемая поэтом метафорическая матрица оказалась весьма продуктивной и поэтому систематически использовалась (количество примеров, безусловно, может быть умножено).

Важно обратить внимание, что в таком контексте стихи, возможно и не несущие сильного идеологического заряда, также могли прочитываться как революционные. Иными словами, несколько огрубляя, можно сказать, что если сначала поэзия участвовала в рождении идеологии, то теперь, в конце XIX — начале XX века, политический дискурс задавал механизмы прочтения стихов, и у текстов неизбежно появлялся аллегорический план. Так, например, популярность «Несжатой полосы», многократно положенной на музыку и ставшей частью песенного репертуара, может объясняться возникновением в тексте второго плана, хотя изначально стихотворение, по-видимому, написано под влиянием поэтики фольклора. Действительно, в образном ряде произведения можно было уловить революционные идеологические коннотации и увидеть вполне прозрачные намеки:

...Только не сжата полоска одна...
Грустную дума наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу, <...>

Заяц нас топчет, и буря нас бьет...
Где же наш пахарь? Чего еще ждет? <...>

²⁶ Чуковский К. Ленин о Некрасове // Чуковский К. Собр. соч.: В 6 т. М., 1967. Т. 5. С. 485.

²⁷ Поскольку название публикации в предшествующей ссылке актуализирует дискурс советского литературоведения, в этом примечании имеет смысл пойти до конца и сказать, что, вопреки замечанию Чуковского, который полагал, что Ленин не цитировал «Сеятелей», в его публицистике обнаруживается сходная фразеология, на что в свое время обратила внимание Л. А. Розанова: «...беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадет даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы» («Памяти Герцена», 1912) (см.: Розанова Л. А. Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973. С. 121).

²⁸ Дун А. З. Поэзия Некрасова в большевистских листовках. С. 78.

Нет! мы не хуже других — и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
— Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

(Некрасов; 1, 135)²⁹

Отмечу, что текст мог прочитываться и в ключе желания политических преобразований, и наоборот, как свидетельство разочарования.³⁰

3

К сожалению, приходится оставить за рамками статьи последовательное обращение к аграрной топике в стихах множества поэтов, которых советское литературоведение квалифицировало как представителей «вольной русской поэзии» или как «поэтов-демократов».³¹ В их стихах обнаруживаются интересные вариации обсуждаемой метафорики.³² Ограничусь двумя примерами. В известных стихах Г. А. Мачтета «Последнее прости», положенных на музыку и ставших популярной радикальной песней, финал обыгрывает элементы революционного мифа (в нем слышны интонационные отголоски стихов Некрасова и «Марсельезы»):

Как ты — мы, быть может, послужим
Лишь почвой для новых людей,
Лишь грозным пророчеством новых
Грядущих и доблестных дней...³³

В стихах Тана (В. Г. Богораза) «Красное знамя» (1900) также обнаруживается политический рефлекс аграрной образности:

Над миром знамя наше веет
И несет клич борьбы, мести гром,
Семя грядущего сеет.
Оно горит и ярко рдеет.

²⁹ Об источниках текста см.: Некрасов; 1, 620; Песни русских поэтов. Л., 1950. С. 331–332.

³⁰ О политическом прочтении текста см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. С. 135.

³¹ См.: Вольная русская поэзия второй половины XIX века / Сост. С. А. Рейсера и А. А. Шиловой. Л., 1959 (Библиотека поэта. Большая сер.); Поэты-демократы 1870–1880-х годов / Подг. текста и прим. В. Г. Базанова, Б. Л. Бессонова и А. М. Бихтера. Л., 1968 (Библиотека поэта. Большая сер.).

³² Множество примеров из низовой поэзии 1880–1920-х годов собрано Л. А. Розановой в насыщенной главе «Образ и тема сеятеля в поэзии народа и для народа» из книги «Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия» (с. 120–142). См. также важное замечание М. Вайскопфа: «...обязательным для революционной поэтики был древнейший общекультурный мотив умирающего и прорастающего зерна — в данном случае угнетенного народа, низвергнутого в зону временной смерти: „Ты семя новое в распахнутой земле“ (А. Маширов, «Зарницы»). В еще более сгущенном виде та же вегетативная мифологема запечатлена в любом сюжете о революционерах, которые томятся в подземных казематах или „спят в земле сырой“, казненные царскими палачами: „Из ваших могил встанет солнце свободы“» (Вайскопф М. Писатель Сталин. М., 2002. С. 173–174).

³³ Поэты-демократы 1870–1880-х годов. С. 258.

То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем!³⁴

В принципе, для доказательства того, что Ходасевич опирался на конкретную поэтическую традицию, достаточно описания революционной мифологии у Некрасова. Учитывая важность Некрасова для Ходасевича как в «Путем зерна», так и в «Европейской ночи»,³⁵ справедливо говорить о непосредственной преемственности. Однако я думаю, что для Ходасевича в данном случае был важен не только Некрасов «в чистом виде», но и сама традиция, которая перешагнула границу XIX века и успела последовательно проявиться в творчестве символистов. В самом деле, литература модернизма (преимущественно поэзия) также систематически прибегала к аграрной топике, наделяя ее подчас теми же революционными коннотациями, а подчас — намеренно их исключая. Приведу несколько примеров, ставя своей задачей наметить в самом общем виде модернистские вариации поэтического революционного мифа.

Стихотворение В. Я. Брюсова «Сеятель» (1907) намеренно уходит от аграрной символики к символике библейской и мистической, однако аграрная метафорика первой строфы, разворачивающаяся скорее в просветительской парадигме, как кажется, несет на себе следы характерных для традиции политических идеологов:

Я сеятеля труд, упорно и сурово,
Свершил в краю пустом,
И всколосилась рожь на нивах; время снова
Мне стать учеником.³⁶

Стихотворение с тем же названием было написано в 1911 году и Ю. Балтрушайтисом. У него аграрная топика разворачивается, прежде всего, в философско-религиозном плане, однако с учетом традиции сама фигура «сеятеля» наделяется, в частности, и идеологическими коннотациями:

Древним плугом поле взрыто,
Будут зерна в глубине!
Ширь пустынная открыта
Зеленеющей весне...

В древнем поле, над оврагом,
Вековой своей тропой,
С зыбкой ношей, мерным шагом
Бродит Сеятель слепой... <...>

Будет год ли урожайный,
Иль бесплодье ждет зерно,
Приговора вечной тайны
Старцу ведать не дано... <...>

Из лукошка рокового
Он лишь сеет дар Творца —
Скудный свет людского крова
И проклятие жнеца!³⁷

³⁴ Там же. С. 290. Курсив мой. — П. У.

³⁵ Успенский П. 1) Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). С. 159–192; 2) «Начинаются мрачные сцены»: поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Euroпа Orientalis*. 2012. № 31. С. 129–170.

³⁶ Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 556.

³⁷ Балтрушайтис Ю. Горная тропа. Вторая книга стихов. М.: Скорпион, 1912. С. 101–102.

Однако не всегда в литературе модернизма политические ассоциации находились в тени и заслонялись (но не исчезали без остатка) метафизическими размышлениями. В некоторых произведениях радикальные идеологемы выходили на первый план. Так, например, в четвертой симфонии Белого — «Кубке метелей» (1908) — обнаруживается фрагмент, в котором по-символистски туго переплетаются сакральный и революционный планы, причем второй план непосредственно варьирует обсуждаемую аграрно-политическую метафорику (в ней проступает также образный ряд из Откровения Иоанна Богослова; см.: Откр. 14: 15–16):

Лучезарный старец вознес томные свои взоры. Он стоял с протянутой рукой на холме многогребенном:

«Да, слепцы прозреют: да, слепцы увидят свет».

Колосья забушевали. Крикнул перепел, пойманный шаткою тенью, летящей на острых колосьях.

Все это было: приходило и уходило.

Гряди, жнец, гряди!

К тебе, — жнец, — тайна, и слово о тебе вихрем благим нам в сердца глаголет.

В облаке росном, во струях воздушных, цветогонных, на ниву сойди и серп нам пусти свой, — серп пусти нам, нам свой серп.

Скажи: «Я — с вами».

Жнеца, работники, исповедуйте громче — как день белого громче.

Громче гремите косами острыми.

Громче, мстители, громче, всё вопите громче: «Се грядет жнец жатвою острою».

Гряди, жатва, гряди.³⁸

Даже в свете этого малого количества примеров (но список может быть существенно расширен) становится понятно, что и раннее обращение Ходасевича к образу «сеятеля» в стихотворении «В моей стране» (1907) навеяно не только традицией XIX столетия, но и модернистской поэзией:

Там сеятель бессмысленно, упорно,
Скуля как пес, влачась как вьючный скот,
В родную землю втаптывает зерна —
Отцовских нив безжизненный приплод.³⁹

Сопоставление двух последних цитат иллюстрирует две противоположные модернистские тенденции. У Ходасевича — на тот момент эпигона символизма — яснее всего виден механизм если не деполитизации образа, то модального дистанцирования от его аффективных политических коннотаций. У Белого, напротив, виден механизм дополнительной политизации или даже радикализации аграрного образного ряда за счет его вторичных и третичных вариаций и модификаций.

Новый интенсивный наплыв обращений к аграрно-революционной метафорике происходит, разумеется, в 1917 году. Чтобы завершить пунктирно намеченную здесь символистскую линию, приведу лишь одно стихотворение Вяч. Иванова — «Тихая жатва» (опубликовано в газете «Русское слово» 1/14 апреля 1917 года):

Великий день священного покоя
Родимых нив, созревших для серпа!
И пусть вдали гремят раскаты боя,
И пусть душа усталая слепа,

И кажется — в сей час тягчайший зноя
Земля, свой злак вспоившая, скупа:

³⁸ Белый Андрей. Симфонии. Л., 1991. С. 321.

³⁹ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 29.

Но, белой мглой Жнецов идущих края,
С крутых небес означилась тропа.

Молчи, народ! Дремли, страдой измаян!
Чтоб в житницу зерно Свое собрать,
К тебе идет с Рабочими Хозяин.

Ему вослед архангельская Рать,
Как облако пресветлое, с окраин
Подъемлется — за поле поборать.⁴⁰

В сонете Иванова проступают все характерные еще для XIX века черты поэтического революционного мифа, которые в тексте осложняются (как и у Белого) религиозными коннотациями.

Итак, краткое обращение к лирике символистов позволяет говорить о том, что и в эпоху модернизма аграрная образность, транслирующая политические смыслы, не исчезла из метафорического словаря русской поэзии, а традиция в целом хоть и модифицировалась, но продолжала свое существование. В свете сказанного, как мне кажется, нет никаких сомнений в том, что стихотворение «Путем зерна» неразрывно связано с поэтическим революционным мифом и его метафорикой, причем связь эта выражается не столько в конкретных персональных влияниях, сколько в поэтической топике. Поэтому, когда Л. К. Долгополов, заметив образное сходство стихов Ходасевича и «Заклинания» Волошина (у которого, отмечу, «сеятель» появляется в целом ряде стихов именно в политическом смысле), пришел к заключению, что оба поэта почти одновременно вывели «формулу зерна»,⁴¹ он был не вполне прав. На самом деле, они сделали ровно то, что напрашивалось в контексте исторического момента, а именно — реактуализировали характерную для русской поэзии аграрную символику.

4

Множество стихов, связанных с политическими событиями 1917 года, написанных как в тот же год, так и «по горячим следам», использовали аграрную метафорику. Так, например, в книге поэта, с легкостью менявшего свои поэтические ориентиры, — С. Городецкого по показательным для обсуждаемой темы заглавием «Серп» целый ряд текстов обращается к характерным образам, как это происходит в одноименном стихотворении:

Час настал для новых музык.
Сердце громом бьется в блузы.
Жизни огненные зерна
Под певучий бросьте жернов
И ржаного слова хлебом
Под голодным русским небом
Власть насытьте океан
Пролетариев всех стран.⁴²

Однако наиболее показательны в этом плане стихи крестьянских поэтов. Учитывая интерес и даже симпатию Ходасевича к некоторым из них,⁴³ стоит отметить, что их

⁴⁰ *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия. СПб., 1995. Т. 2. С. 230.

⁴¹ *Долгополов Л.* Поэзия и революция. Заметки и размышления // Литературное обозрение. 1987. № 11. С. 12.

⁴² *Городецкий С.* Серп. Двенадцатая книга стихов. СПб., 1921. С. 15.

⁴³ См., помимо очерка «Есенин» в «Некрополе»: *Ронен О.* Из наблюдений над стихами эпохи «Промежутка». 4. Ходасевич в оценке Тынянова и «крестьянская поэзия» в оценке Ходасевича // Sub Rosa. In Honorem Lenae Szilard. Budapest, 2005. P. 520–526.

поэтический дискурс также важен для восстановления смысловых контекстов «Путем зерна» — и стихотворения, и сборника в целом. Вместе с тем крестьянская поэзия интересна и как продолжение обсуждаемой традиции.

Уже современники обратили внимание, что крестьянские поэты последовательно обращаются к аграрной топики. Приведу крайне издевательскую, но важную в свете обобщающего характера цитату из статьи 1918 года «Профессионалы», подписанную псевдонимом Э. П. Камень:⁴⁴

«Что такое наша революция — всем известно: борьба отчаянная и, пока, беспроблемная, но ведь поэты не боятся „бури“, „поэт всегда с людьми, когда шумит гроза“ и пр., а в такое время, как не запеть, если...»

Однако, где мы это, господа? На баррикаде или у попа в столовой? Христос с Богородицей и Миколой Святым Угодником так и сыпятся, так и бегают по ухабистым и разухабистым стихам певцов революционного чайного домика 1-го разряда.

„Кушайте, милостивцы — сливосты с пенкой“.

Это революция.

Вот

- 1) „От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан“ <...> (Клюев)
- <...>
- 3) „Там звездного хлеба
Златятся снопы“ (Есенин)
- 4) „Будет веское в поле зерно“
<...>
- 6) „Шумят золотые за хатой овсы.
Звонит золотая в полях казна“.
- 7) „Поля, качаясь, лоснятся.
Зерно идет к зерну“ (Орешин)

Что и говорить — разлюли-малина, а не революция. Факты говорят, что она родилась в голоде и мечется в бескормнице, но „поэты“ ее поют другое; тем хуже для фактов». ⁴⁵

Извительные комментарии реагируют на размышления Р. В. Иванова-Разумника из статьи «Поэты и революция», опубликованной как во втором сборнике «Скифов» (декабрь 1917 года), так и в сборнике крестьянских поэтов «Красный звон» (1918). В апологетической статье утверждалось, что «только их голос громко прозвучал в „грохоте громов“ великой революции, которую так усердно стараются сделать малой все мешчане от обывательщины и от социализма». ⁴⁶ В качестве предисловия к сборнику «Красный звон» статья Иванова-Разумника манифестировала поэзию Клюева, Есенина, Орешина, Ширяевца как истинно революционную.

Хотя автор «Профессионалов», цитируя стихи из «Красного звона», проницательно обратил внимание на характерную метафорику поэтов — литературных попутчиков левых эсеров, ⁴⁷ стоит обратиться к цитатам в свете топики поэтического революционного мифа. Необходимо при этом оговориться, что аграрная образность

⁴⁴ Статья была опубликована в издании «Книжный угол» (1918, № 3). Н. Адаскина включила ее в собрание творческого наследия авангардиста и большевика И. А. Аксенова, не приведя аргументации такого решения. Есть основания считать, что автор статьи — С. П. Бобров, часто прибегавший к псевдонимам и, в частности, пользовавшийся псевдонимом Э. П. Бик, инициалы которого повторяют инициалы псевдонима Э. П. Камень. Перед нами не стоит задача окончательной атрибуции.

⁴⁵ Цит. по: Аксенов И. А. Из творческого наследия: В 2 т. / Сост., комм. Н. Адаскина. М., 2008. Т. 2. С. 16. См. также: Князев В. Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина). Пг., 1924.

⁴⁶ Скифы. Сборник 2-й. Пг., 1918. С. 1, 3; Красный звон. Сб. стихов С. Есенина, Н. Клюева, П. Орешина, А. Ширяевца со вступ. статьей Иванова-Разумника. Пг., 1918. С. 7.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007.

крестьянских поэтов репрезентирует не только революцию. Метафорика их стихов одновременно связывается и с полем политического, и с мистическими чаяньями, и с религиозными представлениями.⁴⁸ В аграрной метафорике крестьянских поэтов, таким образом, одновременно проступает сразу несколько планов и ассоциативных рядов (в этом плане они предстают, конечно, наследниками символистов).⁴⁹ Вместе с тем революционно-политический субстрат аграрной образности занимает видное место и явно не только не случаен, но и не ограничивается мистическо-религиозным планом.

В первом пункте своего списка Э. П. Камень приводит «Красную песню», впервые опубликованную в газете «Дело народа» 4 июня 1917 года. В ней рефреном повторяется следующее четверостишие:

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Помимо «трудового Хлеба» и «ржаного Океана» (которые в тексте напрямую связываются с революцией), стоит напомнить еще несколько строк, семантически связанных с аграрной образностью: «Богородица наша Землица, / Вольный хлеб мужику уроди!»; «Лик пшеничный с бородой солнцевласой — / Воплощение любви и добра!»⁵⁰ Таким образом, в клюевской «Красной песне» аграрная образность напрямую сопрягалась как с религиозным, так и с политическим контекстом.

Стихи Есенина, процитированные Э. П. Камнем, — из небольшой революционной поэмы «Отчарь», впервые опубликованной в петроградской газете «Дело народа» 10 сентября 1917 года. Финал поэмы (пятая песнь) последовательно обыгрывает зерновую и хлебную образность, соединяя ее с сакральным и политическим контекстом:

Закинь его в небо,
Поставь на столпы!
Там лунного хлеба
Златятся снопы.

Там голод и жажда
В корнях не поют,
Но зреет однаждыный
Свет ангельских юрт.⁵¹

См. также в другой «революционной» поэме Есенина «Пришествие» (конец 1917 года):

О Русь, Приснодева,
Поправшая смерть!
Из звездного чрева
Сошла ты на твердь.

На яслях овечьих
Осынила дол

⁴⁸ См. емкую формулу Ходасевича, посвященную образному словарю поэзии Есенина 1917–1918 годов: «Христос = сыну неба и земли = урожаю = телку = воплощению небесной истины = Руси грядущей» (Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 134).

⁴⁹ О крестьянской поэзии подробнее см.: Михайлов А. Н. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л., 1990. См. также: Азадовский К. М. Жизнь Николая Клюева: документальное повествование. СПб., 2002; Лекманов О., Свердлов М. Сергей Есенин: биография. М., 2011.

⁵⁰ Клюев Н. А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб., 1999. С. 351–353.

⁵¹ Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1997. Т. 2. С. 35–40, 303–304.

За то, что в предтечах
 Был пахарь и вол.

Воззри же на нивы,
 На сжатый овес, —
 Под снежною ивой
 Упал твой Христос!⁵²

В этом отрывке отчетливо видно, как в осмыслении революционных перемен задействованы мифологические структуры и христианские символы. Аграрные образы соотносятся с этими планами, и вместе с тем «нивы» и «сжатый овес» одновременно коннотируют саму революцию, а «пахарь» «в предтечах» — это не только русский мужик, но, надо полагать, и литературный, революционно настроенный «пахарь» / «сеятель».

Что же касается Орешина, на котором стоит остановиться подробнее, так как его стихи менее известны, то у него, в самом деле, аграрная метафорика возникает систематически (неслучайно большинство цитат в статье Камня из Орешина). В целом, стихи Орешина насыщены революционными идеологемами, поэтому в его случае политическая символизация аграрной метафорики наиболее наглядна. Иногда ее связь с идеей революции возникает за счет отдаленных ассоциаций, как в стихотворении «На полях»:

Над избушкой моею красно, —
 Далеко виден алый платок...
 Будет веское в поле зерно,
 День покоса горяч и широк. <...>
 Красный флаг над рабочим селом
 Точно жаркое пламя свечи!⁵³

Но чаще у Орешина аграрные образы наделяются символическим значением, соотносясь (ретроспективно) с ожиданием революции, как в стихотворении «На вашу бойню алую...»:

Смотрю на Русь усталую
 И думаю: вот-вот
 Земля наша кормилица
 Вся кровью изойдет. <...>
 Поля, качаясь, лоснятся,
 Зерно идет к зерну...
 В работу сердце просится,
 А ночью чуть засну —
 И вижу всю-то ноченьку
 Проклятую войну!⁵⁴ —

или же напрямую встраиваясь в политическую идеологию, как в стихотворении с характерным для обсуждаемой традиции названием — «Пахарю»:

Шумят золотые за хатой овсы,
 Звонит золотая в полях казна... <...>
 Не спи же, деревня, четыре двора...
 — Долой, толстосумы, злое хамье!..
 Погудка родная верна, хоть стара:
 «В борьбе обрешь ты право свое!»⁵⁵

⁵² Там же. С. 47.

⁵³ Красный звон. Пг., 1918. С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 78.

⁵⁵ Там же. С. 66.

Аграрно-революционная метафорика у Орешина не ограничивается, конечно, списком из статьи Э. П. Камня. Так, можно вспомнить и другие стихотворения: «Алый цвет», начинающееся показательной строкой «Мы — жнецы разгульных нив»; «На гумне», в котором интересным, но несколько искусственным образом аграрная метафорика контаминируется с характерной для пролетарской / рабочей поэзии; «На Руси», где в духе символистов соединяются и наделяются дополнительным значением образы, взятые из разных смысловых планов:

Солнце любовно поля обошло,
Колос горячий душист и шумлив.
В золоте спряталось наше село —
В звонах и шумах тоскующих нив.

Вышли из хижин с серпами жнецы.
— Бог вам на помощь, родные мои...
С косами вышли на волю косцы.
— Славьтесь, великие, красные дни!⁵⁶

Показательна и последняя строфа стихотворения «Без царя», в которой «хлеб» появляется как будто по инерции революционной топики:

Алый стяг над хибарами серыми,
Как над лесом заря, занимается.
Новый хлеб преогромными мерами
В закрома по зерну убирается.⁵⁷

Таким образом, варьирующаяся на разные лады аграрная топка — неотъемлемая часть дискурсивного осмысления событий 1917 года у крестьянских поэтов. С моей точки зрения, и стихотворение, и сборник «Путем зерна» напрямую соотносятся с этим важным для эпохи сегментом литературного поля. Конечно, сценарий Ходасевича при этом более медленный — в его стихах неистовое колошение и спешная жатва не наступают, а «прорастание зерна» как бы откладывается на ближайшее, но все же будущее (правда, «Хлебы» отчасти реализуют желанный сценарий хотя бы на уровне частной жизни). В этом смысле Ходасевич предстает более традиционным, ориентированным скорее на некрасовско-модернистскую линию метафорической традиции. Пройдет несколько лет, и Ходасевич периода «Тяжелой лиры» будет отрицать демократическую традицию⁵⁸ (хотя в «Европейской ночи» все равно к ней вернется). Пока же он, несомненно, с ней соотносится, парадоксальным образом временно сближаясь в своей поэтической метафорике (но не стилистике!) с крестьянскими поэтами.

Намеченная в статье особая традиция аграрно-политической образности, кажется, достойна отдельного изучения. Так, совсем не удалось осветить ее происхождение, как и рассмотреть ее трансформации в послереволюционное время. Возможно, не все приведенные мной примеры кажутся равно убедительными. Конечно, в литературоведении (особенно в некрасоведении) еще в советские годы сформировалось представление, что образ «сеятеля» возникает у Пушкина, прорабатывается у Некрасова и дальше приходит в пролетарскую / демократическую / низовую поэзию. Эта траектория, безусловно, верна.

Вместе с тем, как я пытался показать, традицию нельзя ограничивать только «сеятелем». Революционный миф русской поэзии, структурно объясняющийся вторично мифологизированной конструкцией умирающего и воскресающего зерна, обра-

⁵⁶ Там же. С. 53 («Алый цвет»); С. 57–58 («На гумне»); С. 63 («На Руси»).

⁵⁷ Орешин П. Красная Русь. Стихи. М., 1918. С. 58. Здесь же отмечу, что в более поздние издания многие тексты поэта не вошли. Ср.: Орешин П. 1) Стихотворения и поэмы. М., 1958; 2) Стихи. Саратов, 1964; 3) Избранное. М., 1968.

⁵⁸ Успенский П. Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич // Русская литература. 2013. № 1. С. 164–179.

щается к самым разным аспектам аграрной символики, и у этих обращений есть своя логика, зависящая как от идеологии автора, так и от исторического момента. Сам процесс символизации, произошедший в XIX веке, кажется вполне закономерным, учитывая преимущественно аграрный уклад России и размышления о судьбах крестьянства многих писателей. Крестьяне, становившиеся объектами программ по изменению общества, как и их деятельность, неизбежно должны были символизироваться в литературе.

В XX веке аграрная и сельскохозяйственная топики в подавляющем большинстве случаев репрезентировала на коннотативном уровне радикальную политическую идеологию и превратилась во вполне конкретные «слова-сигналы», в знаки революционности как таковой. Их эффект сейчас, возможно, не так ощутим, вместе с тем, как мне кажется, именно широкий контекст поэтического революционного мифа часто может объяснить обилие аграрной топики в русской литературе. В частности, в свете намеченного сюжета статья Мандельштама «Пшеница человеческая» (1922), во многом перекликающаяся со статьей Ходасевича «О завтрашней поэзии», обретает несколько иную, более радикальную в политическом плане, смысловую конфигурацию.⁵⁹

⁵⁹ См. о ней: *Тоддес Е. А.* Статья «Пшеница человеческая» в творчестве Мандельштама начала 20-х годов // *Тоддес Е. А.* Избр. труды по русской литературе и филологии. М., 2019. С. 371–393. В статье, в частности, подробно анализируются смыслы аграрной метафоры, однако революционные коннотации обсуждаются минимально.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-2-147-157

© А. М. Грачева

МАРИНА ЗОТОВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (МАКСИМ ГОРЬКИЙ И ЮЛИЯ ДАНЗАС)

В истории русской культуры первой половины XX века Юлия Николаевна Данзас (1879–1942) известна как авторитетный ученый-теолог, историк религиозных учений, публицист. Она родилась в Афинах, в семье Н. К. Данзаса — первого секретаря русской дипломатической миссии. Данзас получила блестящее домашнее образование и экстерном сдала экзамен за гимназический курс. С детства в совершенстве владевшая древними языками, она увлеклась античной культурой, и в особенности эпохой эллинизма. Данзас стала вольнослушательницей в Сорбонне и защитила там диссертацию по гностицизму. В юности девушка влюбилась в женатого человека, но не пожелала разрушить его брак и в дальнейшем так и не вышла замуж. В соответствии со статусом своей семьи с 1907 по 1917 год Данзас была фрейлиной императрицы Александры Федоровны по делам благотворительности. Известно, что она отказалась от предложения стать воспитательницей великих княжон и была резко против возраставшего при дворе влияния Григория Распутина. Под псевдонимом «Юрий Николаев» Данзас опубликовала книги «Запросы мысли» (1907) и «В поисках за Божеством» (1913). В эпоху Серебряного века результаты последнего исследования, уникального по научной значимости, написанного прекрасным литературным языком, отразились в том или ином виде в творчестве Алексея Ремизова, Александра Блока, Андрея Белого и ряда других писателей. Как ученый, Данзас изучала жизнь православных монастырей и общин сектантов; переодевшись простолюдинкой, посещала собрания сект, в том числе хлыстовские радения. Она была членом Религиозно-философского общества. В 1914 году Данзас ушла на фронт, трудилась сначала в Красном Кресте, затем в 1916 году поступила добровольцем в 18-й Оренбургский Казачий полк и за проявленную храбрость была награждена Георгиевским крестом. В 1917 году ей предлагали возглавить Женский батальон, но она отказалась. Зимой 1917 года Данзас вернулась в Петербург